

Оригинальная статья

"Церковные имения" в средневековой Исландии: традиции и перспективы изучения

Желнин А. С.

В статье дается анализ основных теорий относительно такой формы землевладения, сложившейся в Исландии XI–XIII вв., как "церковное имение" или "стадир" (*stadir*). Несмотря на общее понимание среди современных ученых того, что создание "стадиров" и манипуляции с ними были частью механизма обретения представителями исландских элит и Церкви своего могущества в масштабах всего острова, а не сугубо локально, в историографии до сих пор не существует адекватного сложившимся в ту эпоху владельческим и межличностным отношениям понимания сущности "церковного имения" и соответственного его определения. В статье предлагается решать данную проблему путем раскрытия способов реализации "стадира" как совокупности отношений собственности, находившейся в распоряжении сразу нескольких пользователей, местных вождей-хёвдингов и исландских епископов, в контексте происходившей в Исландии XIII в. борьбы за доминирование между светской и духовной властью.

Ключевые слова: историография, "стадир", Исландия, церковное имущество.

Отношения и деятельность: не оказывают влияния на представленный материал.

Желнин Александр Сергеевич — аспирант, кафедра истории средних веков, исторический факультет ФГБУ ВО "Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова", Москва, Россия. ORCID: 0009-0001-5547-4241.

Сфера научных интересов: Исландия в "норвежский век" (1264–1415), история элит.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author):

zhelnin6@gmail.com

Рукопись получена 10.09.2025

Рецензия получена 15.10.2025

Принята к публикации 05.11.2025

Для цитирования: Желнин А. С. "Церковные имения" в средневековой Исландии: традиции и перспективы изучения. *Российский журнал истории Церкви*. 2025;6(4):53-68. doi:10.15829/2686-973X-2025-207. EDN: AGKSUG

"Church Estates" in Medieval Iceland: Traditions and Perspectives to Study

Alexandr S. Zhelnin

The article researches main theories about "church estate" or "*staðir*", a specific kind of landholding, that was formed in Iceland during the 11th–13th centuries. Although modern scholars have common understanding that "*staðir*" and operations with them were parts of the mechanism which let the representatives of the Icelandic elite and the Church acquire their power over the whole country, rather than locally, they still haven't got an adequate understanding, what was the essence of "church estate" in context of the ownership and interpersonal relations that existed at that time, and its definition correspondingly. This paper proposes to solve this problem through revealing the ways of the realization of "*staðir*," as a set of the relationships with the property, that, during the unfolding struggle for dominance between secular and spiritual authorities, which took place in Iceland at that time, was under the management of several owners i.e., the local chieftains (*höfðingjar*) and the Icelandic bishops.

Keywords: historiography, *staðir*, Iceland, church property.

Relationships and Activities: none.

Alexandr S. Zhelnin — Postgraduate student, Department of Medieval History, Faculty of history, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: 0009-0001-5547-4241.

Research interests: Iceland in the "Norwegian Age" (1264–1415), the history of the elites.

Corresponding author: zhelnin6@gmail.com

Received: 10.09.2025

Revision Received: 15.10.2025

Accepted: 05.11.2025

For citation: Alexandr S. Zhelnin. "Church Estates" in Medieval Iceland: Traditions and Perspectives to Study. *Russian Journal of Church History*. 2025;6(4):53-68. doi:10.15829/2686-973X-2025-207. EDN: AGKSUG

Адреса организаций авторов: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия.

Addresses of the authors' institutions: Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, Moscow, Russia.

Становление и развитие системы землевладения в средневековой Исландии — проблема принципиальная и имеющая давнюю традицию изучения. И в наши дни она остается одной из ключевых для исследователей, занимающихся прошлым этой скандинавской страны. Без ее исследования невозможно понимание самих основ существования уникального островного общества, в частности, отношений зависимости внутри него, а также движущих сил социальных и политических процессов, происходивших на начальном этапе его истории, — в так называемую "эпоху народовластия" (*Pjóðveldi*) — 874—1264 гг. Из всего множества посвященных ей работ следует сосредоточиться на анализе тех из них, что касаются такого феномена, как "церковные имения" (во мн.ч. *staðir*, ед.ч. *staðr*; здесь мы будем пользоваться калькой с этого слова — ста́дир) и связанным с ним масштабным процессом перераспределения земельных имуществ, который еще в Средневековье получил название "тяжба о церковных имениях" (*staðamál*)¹.

Исследование темы невозможно без предварительной характеристики типичной для "народовластия" системы взаимоотношений между мирянами и клириками. Светское и духовное на острове было неразрывно связано между собой со времен христианизации Исландии в 999/1000 гг. Тогда именно могущественные светские вожди-хёвдинги, ведущие свое происхождение от первопоселенцев острова и возглавлявшие родовые кланы, условились на том, что исландцам следует принять христианство. Одним из инициаторов крещения страны выступил Гицур Белый — отец первого епископа страны Ислейва. Позднее Ислейв передал епископский престол своему сыну Гицуру Ислейвссону [*Hood* 1946:39-40]. Таким образом, магнаты считали себя вправе вмешиваться в вопросы, касающиеся духовной власти, а построенные церкви воспринимали, можно сказать, собственными вотчинами. В последующие после христианизации века в Исландии установилась система "частной Церкви", когда миряне не только контролировали возведение культовых сооружений и назначение в них духовенства, но могли и сами надеть рясу. До покорения Исландии Норвегией во второй половине XIII в. местное духовенство не составляло отдельной социальной группы, не знало celibата и нередко преследовало корыстные интересы, заботясь о наследстве для своих сыновей [*Байок* 2012: 498]. Епископы обоих исландских кафедр: южной с центром на хуторе Скаульхольт (учреждена в 1056 г.) и северной — в Хоуларе (с 1106 г.) — избирались на Альтингге. Согласно Йоуну Видару Сигвюрдссону, в период с 1190 по 1238 гг. из восьми епископов Палатного Холма шестеро принадлежали к магнатскому роду Людей из Ястребиной Долины (*Haukdælir*), а двое были родственниками Людей с Хутора Одди (*Oddaverjar*). Эти же семьи

¹ "Тяжба о церковных имениях" связана, в первую очередь, с именем епископа Арни Торлаукссона (1269–1298), который выступал за полную сепарацию духовенства и Церкви от мирян, что включало в себя полное отчуждение церковного движимого и недвижимого имущества от хёвдингов. Датой завершения "дела о церковных имениях" считается 1297 г., когда епископ и король заключили договор на мысе Эннунда. Согласно этому документу, все земельные участки, которыми окрестные церкви владели более, чем наполовину, передавались в ведение прелатам, остальные — закреплялись за светскими владыками (см. ниже).

решали, кто станет епископом на Пригорках [Jón Viðar Sigurðsson 1999: 191]. Не последнюю роль в структуре доходов хёвдингов играла десятина, идущая с церковных земель, часть которой магнаты собирали себе. "Церковь в Исландии находилась в частных руках и являлась источников богатства для аристократических семей, которые управляли епископскими кафедрами, монастырями и церковными имениями, а также занимались обучением священников, а также разъезжали вместе с властью годи по округе и на тингах <...>. Сами они не платили десятины за то недвижимое имущество, собственниками которого они не считались сами, однако распоряжались ей [десятиной] вместо церквей" — писал Бьёрн Торстейнссон [Björn Þorsteinsson, Bergsteinn Jónsson 1991:72].

Исландская знать, создав у себя на родине институт "частной церкви", боролась за его сохранение. Контроль над Церковью и ее имуществом воспринимался аристократами как воплощение их могущества в условиях, когда в борьбу за земельные доходы наряду со старой знатью вступили "могучие бонды", то есть предприимчивые клиенты хёвдингов, землевладельцы, так сказать, "второго эшелона"². Они, пользуясь своей ролью посредников и младших партнеров, приобретали собственные угодья и постепенно обрастали связями не только в тех районах острова, где традиционно доминировали их господа, но и по всей Исландии [Sverrir Jakobsson 2009:156-159]. В этой стране в отличие от Норвегии не существовало права одаля, затруднявшего отчуждение угодий и отчасти гарантировавшего их возвращение прежним хозяевам, если те в результате продажи утрачивали свои владения, имевшие соответствующий статус. В Исландии подобные отношения были усвоены лишь частично [Magnús Már Lárusson 1967:499-502]³. Появление и развитие "церковных имений" сыграло ключевую роль в складывании на острове структуры землевладения, посессорных прав на землю и их гарантий, а также системы распоряжения материальными богатствами в целом и, кроме того, в становлении политической власти, повлияв на эволюцию исландской общественной иерархии. Отсюда рассмотрение этого явления принципиально важно как в конкретно-исторической, так и в историографической перспективе. Таким образом, целью этой работы будет описание концепций, сложившихся в рамках основных методологических школ в историографии, посвященной феномену исландского "церковного имения". В задачи данной статьи входит также указание на актуальные сегодня проблемы в изучении "церковных имений", а также выводы о возможных перспективах дальнейших исследований.

Прежде чем переходить к основной части статьи, стоит указать некоторые принципы отбора исследовательской литературы. В первую очередь рассматривалась монографическая литература, а также тематические диссертации, поскольку в текстах большого объема легче проследи-

² Бонды — свободные домохозяева, владевшие землей. Могучие бонды были немногочисленной группой населения. Они ездили на тинг вместе со своим покровителем из числа хёвдингов и играли важную роль в политике и торговле, нередко обладая целыми усадьбами со значительным числом зависимых арендаторов.

³ Почему этого не произошло является предметом отдельного исследования.

ваются исследовательские концепции. Кроме того, статья охватывает не все работы наиболее плодотворных историков. Например, было решено не упоминать некоторые статьи Йоуна Видара Сигвуртссона, положения которых повторяются в фундаментальной монографии ученого [Jón Viðar Sigurðsson 1999]. Некоторые анализируемые в статье книги представляют собой слегка переработанные диссертации без значительных изменений в тексте. В этом случае ссылка дается на монографическое издание как более позднее [см. Sigurdson 2016].

XVIII–XIX вв.: первопроходцы и историческая школа права

Первую попытку осмыслить сущность стадира предпринял епископ Скаульхольтский Финнур Йоунссон в своем общем труде, посвященном истории Церкви на острове от принятия христианства до начала XVIII в. [Finni Johannei, *episcopi* 1772, 1774]. Прелат полагал, что стадиры представляли собой земельные участки, на которых располагались храмы, возведенные за счет средств представителей общественной элиты — хёвдингов. Как и сам храм, окрестные угодья и доходы с них аристократ отдавал в дар одной из двух епископских кафедр, которые имелись на острове, принимая на себя обязательство заботиться о сохранности церковных зданий и содержании клира. Взамен епископ соглашался оставить участок в наследственном владении семьи донатора [Finni Johannei, *episcopi* 1772:291]. В XII–XIII вв. такие прелаты, как Торлак Торхальссон (1178–1193) и Арни Торлакссон (1268–1297), главным образом руководствовавшиеся, как полагал сам Финнур Йоунссон, личными амбициями и указаниями своих митрополитов, архиепископов из норвежского города Нида-рос⁴, втянули исландскую Церковь в борьбу за установление господства над островом, в которой ее конкурентами выступали светские магнаты. Данная точка зрения в целом верна, однако, "тяжба о церковных имениях" у Финнура Йоунссона предстает всего лишь эпизодом в противостоянии между ведущими исландскими кланами [Finni Johannei, *episcopi* 1774:1–40].

Тем не менее данному подходу наука оставалась верна вплоть до начала XX в. Так столь же односторонне сущность "тяжбы о церковных имениях" понималась первыми профессиональными норвежскими историками П. А. Мунком [Munch 1862:300] и Р. Кейсером [Kejser 1858:82–83], которые рассматривали ее как часть борьбы между королевской властью и Церковью за доминирование в "Норвежской державе", куда Исландия присоединилась в результате "унии" с королями Хаконом Старым (1217–1263) и Магнусом Хаконссоном (1263–1280) в 1262–1264 гг. Доктор теологии и епископ Исландии в 1917–1939 гг. Йоун Хельгасон в своей работе, посвященной истории Церкви на острове (со времен Реформации), которую он писал как продолжение сочинения Финнура Йоунссона, упоминает лишь, что первые протестантские епископы принялись передавать секуляризованные церковные земли датской короне, частью владений которой вместе

⁴ Католическая архиепископия в норвежском городе Нидарос (сейчас Тронхейм) была учреждена в 1152/53 гг. и, кроме непосредственно Норвегии охватывала территории Исландии, Гренландии, Фарерских, Оркнейских островов и острова Мэн. Норвежские короли использовали кафедру для усиления своего влияния на острова Атлантического океана, которые они рассматривали как свою сферу влияния.

с Норвегией Исландия стала в 1536 г. [*Jón Helgason* 1925:7, 8, 29–31]. При этом сам феномен стадира им никак не осмысливается. Авторы изданного в 1856–1939 гг. шеститомника по истории исландской литературы отмечают, что словом "стадир" в древности обозначали *церковь или церковный хутор (то есть хутор, где стоит церковь* — примеч. составителей), куда посажен священник⁵ [*Safn til sögu Íslands* 1907–1915:450]. А Дж. Худ полностью отказывался считать "стадир" особенной формой собственности, переводя это слово просто как *церковь* (church) [*Hood* 1946:131–135]. Очевидно, что стадир, а также связанные с ним отношения, начали постепенно ускользать из внимания исследователей в качестве специфических явлений.

Одним из важнейших результатов, развивавшихся со второй половины XIX в. исследований в области скандинавского языкознания, стало, в том числе, появление академических словарей древнеисландского языка. Их составители учли церковную семантику слова "*staðr*" (которое имеет первое значение "место" или "жилье"), пояснив его как "церковное учреждение" и указав, что в источниках за ним могла скрываться любая церковь, епископская кафедра, а также монастырь [*Cleasby, Guðbrandur Vigfússon* 1874: 586; см. также *Hægstad, Torp* 1909:423–424; *Fritzner* 1867:614–615, *Zoëga* 1910:401–402 и *Baetke* 2006:594–595].

Редактор исландского дипломатария Йоун Сигвюрдссон следует тексту соглашения 1297 г., заключенного между епископом Арни Торлакссоном и норвежским королем Эйриком II (1280–1299). По договору с монархом в ведение прелата передавались все имения с угодьями, (*allir staðir*), которыми Церковь владела более, чем наполовину [*DI II* 1893:323–325] Йоун Сигвюрдссон полагал, что "стадиром" следует считать земли хутора, где стоял храм, которому эти земли принадлежали [*DI I* 1857–76:245]. Тем не менее в других средневековых документах Йоун Сигвюрдссон отметил и те редкие случаи, когда стадир называется бенефицием. Но осознавал ли этот исландский историк особенности правоотношений, связанных с подобным восприятием этой формы обладания земельным имуществом, или, подобно многим его современникам, понимал под стадиром лишь "хутор с церковью", то есть, прежде всего, расположенный в определенной местности комплекс угодий [*DI I* 1857–76:275, 403, 421], остается непонятным.

Известный своим особым вниманием к истории и культуре Исландии немецкий историк древнегерманского права К. фон Маурер считал, что все церкви на острове находились в частных руках, поэтому "тяжба о церковных имениях" касалась всех исландских храмов [*Maurer* 1907:105–107], что, как показали дальнейшие исследования, было далеко не так. К. фон Маурер полагал, что структура исландской церковной собственности являлась однородной вплоть до соглашения 1297 г., в результате заключения которого все хутора оказались поделенными между мирянами и клириками. Земли, оставшиеся под властью светских князей, в его представлении сохранили статус "частных" (букв. "бондовских") церквей (*bændakirkjur*), а полностью перешедшие под власть епископа стали име-

⁵ "Það merkir þá kirkju eða kirkjustað (bæ sem kirkja er á), prestsetur.

новаться церквями "ленными" (*lénskirkjur*) [Maurer 1907:114]. К. фон Майер, как и его единомышленник К. фон Амира, рассматривал "тяжбу о церковных имениях" и соответственно указанные формы землевладения как результат противостояния в Исландии между древним германским и привнесенным на остров христианской Церковью каноническим правом [Amira 1895:899]. Данная точка зрения закрепились в исландской исторической науке первой половины XX в. благодаря Йоуну Йоуханнессону. Он также полагал, что в основе конфликта между мирянами и духовенством касательно стадиров лежали противоречия между каноническим и местным "публичным" правом, которые в средние века трудно было согласовать. Собственник, передавший земли какому-нибудь святому, в честь которого был освящен храм, монастырь и т.д., никак не мог отказаться от представления, что он больше не может передавать их по наследству, в то время как получившая эти угодья Церковь настаивала на их неотчуждаемости, так как в результате дарения они принадлежали Богу [Jón Jóhannesson 2006:182].

Ученые, разделявшие постулаты исторической школы права, полагались прежде всего на законодательные памятники. Тот же Йоун Йоуханнессон к тому же абсолютизировал роль политической конъюнктуры и влияние законодательных норм в развитии процессов, связанных с собственностью: "...неясно, сыграло ли приобретение контроля над церквями и церковным имуществом важную роль в нарушении баланса сил, существовавшего среди самых могущественных вождей. Более вероятно, что внутренняя борьба в сочетании с отсутствием надлежащего отправления правосудия были основными причинами постепенного ослабления политической власти" [Jón Jóhannesson 2006:227] — объясняет историк причины заката и последующего падения "народовластия" в XIII в.⁶ Другой исландский исследователь Бьёрн Сигфуссон, разделявший этот взгляд, в своих рассуждениях зашел еще дальше и вообще исключил духовенство как отдельную силу во внутриисландской борьбе. Основная причина заката "народовластия", по мнению историка, заключался в утрате тингами, где к XII в. верховодили богатейшие магнаты и представители их семей, своей прежней функции — осуществлять справедливый и честный суд [Björn Sigfússon 1960:64]. Отказ от комплексного исследования всех имеющихся источников и процессов закономерно привел к появлению одностороннего и идеализированного представления об исландском обществе, где, якобы, вплоть до конца XII в. не было серьезной экономической дифференциации между бондами и хёвдингами [Maurer 1874:153]. Слепая уверенность историков в том, что законодательные памятники отражают реальную картину статичного исландского общества не позволяла понять высокую интенсивность общественных конфликтов, разгоревшихся во второй половине XII—XIII вв. и отраженных в сагах, которые напротив описывают Исландию этого времени как сильно дифференцированное общество

⁶ "It is uncertain, however, whether the acquisition of control over churches and church property played a major part in upsetting the balance of power that had existed among the chieftains. In fact, it would appear more likely that internal warfare coupled with the lack of proper administration of justice were the main reasons for the erosion of political authority which gradually took place".

[Gunnar Karlsson 1972, 1977]. Также ошибочной оказалась, казалось, объясняющая генезис церковной собственности в Исландии гипотеза о непосредственной преемственности между древними языческими жрецами-годи и христианскими священниками [Olsen 1966:26, 274].

Изучение "церковных имений в 1-й половине XX в.: исторический материализм и проблема десятины

В ходе дальнейшего проникновения в основы множества описываемых в источниках конфликтов исследователям стало понятно, что следует обращать внимание на внутреннюю причину противостояний, охвативших Исландию в указанный период. Пусть несколько односторонне, не учитывая в регулировании владельческих отношений роли ментального восприятия собственности средневекового человека, на проблему эволюции отношения исландцев к земле и производимые с угодьями манипуляции обратили внимание историки-марксисты. Эйнар Оуль Свейнссон указывал, что контроль над церковными имениями (church estates) и десятиной с них поступавшей, был важнейшей статьёй дохода исландского хёвдинга. Помимо этого, земли, переданные таким магнатом Церкви, он же мог сдавать в аренду ради получения дополнительной прибыли [Einar Ólafur Sveinsson 1953:54-55]. И здесь было очень важно, находился ли светский посессор в ладах с Церковью, которая в таком случае могла использовать хёвдинга в качестве своего управляющего. Мирянин считался распорядителем тех угодий, которые передавал Церкви, и это создавало иллюзию, что фактическим владельцем данных земель остается он, однако значительную часть доходов с них Церковь, рассматривавшая себя, вернее Бога, в качестве настоящего собственника, забирала себе. Эйнар Ольгейрссон видел во введении церковной десятины на острове в 1097 г. в качестве фактически первого общеисландского налога основную причину возникновения неравенства между аристократами-хёвдингами и крестьянами-бондами. Контролировавшие "церковные имения" магнаты забирали себе не менее половины этого сбора, в результате чего, по мнению исследователя, в Исландии и возникло классовое общество [Эйнар Ольгейрссон 1957:262-263]. Бьёрн Торстейнссон выделял самых могущественных владельцев храмов в особую группу "церковных годи" (*kirkjugoðar*), которые не имели никакого отношения к прежним капишным жрецам [Björn Þorsteinsson, Bergsteinn Jónsson 1991:72]. Вместе с тем данный историк стремился избежать использования термина *staðr* в значении "церковное имение". Так исландец пишет, что святой Торлак выступал за передачу духовенству "распоряжения церквами и всем церковным имуществом" (*forráða allra kirkna og kirkjueigna*) [Björn Þorsteinsson 1953:266].

Подойдя вплотную к сущностному пониманию стадира, исландские историки-марксисты не рассмотрели этот феномен комплексно, то есть как совокупность и средоточие экономических и волевых имущественных отношений. "Церковные имения" были нужны им, чтобы объяснить, почему в Исландии изменился баланс политических сил в так называемую "эпоху Стурлунгов" (1220-е—1240-е гг.), когда на острове началась открытая борьба за гегемонию между кланами, которые возглавляли хёвдинги из

числа родового нобилитета, и их противниками из незнатных, но богатых домохозяев-бондов. Тем не менее функционирование стадилов, а также способы эксплуатации различных категорий зависимого населения продолжали интересовать историков левого толка и во второй половине XX в.

На рубеже 1980-х—1990-х гг. теория Бьёрна Торстейнссона была развита представителями следующего поколения исследователей. Биргир Сольвасон предложил использовать методологию марксистского анализа применительно к стадилам с привлечением новейших данных археологии и в связи с проблемой эволюции исландских элит [Solvason 1993:105]. Возможности указанной концепции расширяет Свейнбьёрн Равнссон, отмечавший, что в церковных описях XIII—XIV вв. в структуру "стадила" часто входил не только хутор, на землях которого церковь могла просто располагаться, а значительная хозяйственная деятельность не велась ("главный хутор", *adalból* или *manor*), но и удаленные от храма на значительные расстояния участки церковных арендаторов (*leiguból*). При этом вся десятина и рента с них стекались на "главный хутор" [Sveinbjörn Rafnsson 1974:152, 156]. Стадил, таким образом, оказывается двухчастным хозяйством, которое в реальности, по мысли исследователя, напоминало английский манор [Sveinbjörn Rafnsson 1974:231]. Эта идея получила свое развитие в трудах нынешних специалистов.

Концепции конца XX в.:

"Экологическая история" и новые левые историки

В 1980-х гг. специалисты по исландской средневековой истории сосредоточились на изучении того, как на социально-экономические отношения влиял экологический фактор. В медиевистике даже выделилось отдельное направление "экологической истории", представители которого доказывали прямое влияние изменений климата и состояния экосистем в определенной местности острова на происходившие там общественные процессы [McGovern 1990:339-341]. Т.Х. Макговерн считал, что социальное расслоение в Исландии было вызвано похолоданием X в., и, если первопоселенцы смогли справиться с этим благодаря удачному расположению хуторов, то бонды, которым достались земли похуже, были вынуждены все больше полагаться на своих богатых соседей [McGovern 1988]. Бьярни Эйнарссон также утверждал, что разбогатеть и позднее стать правящей элитой Исландии смогли хозяева, удачно переориентировавшиеся на внешнюю торговлю шерстью и разведение овец. Способствовало этому выгодное в географическом отношении расположение имевшихся у них в собственности хуторов и наличие там обширных пастбищ, а также удобного выхода в море [Bjarni F. Einarsson 1995:140-142].

Основным недостатком этих концепций является полное игнорирование непосредственно социального фактора, в частности, развитие способов эксплуатации, и, значит, форм экономической и внеэкономической зависимости, а также их соотношения и, кроме того, условий труда и его восприятия с точки зрения средневекового мышления. Изучение экономического взаимодействия между различными социальными группами, например, хёвдингами и многочисленными арендаторами особенно важно,

поскольку при всех недостатках "народовластия" существующая в этот период экономическая система позволяла по максимуму использовать крайне ограниченные ресурсы бедной Исландии, что подтверждается существованием огромных, напоминавших феодальные замки материковой Европы, усадеб таких хёвдингов как Снорри Стурлусон. В совокупности с изучением этих составляющих и особенностей межличностных отношений доказательство влияния "экологического фактора", в том числе на складывание крупных по исландским меркам хозяйств, среди которых были и стадиры, было бы весомее.

1990-е гг. ознаменовались появлением новой методологии, в модусе которой исследователи, взявшие на вооружение системный марксистский анализ, провозгласили, что зависимость средневекового общественного устройства в Исландии была прямо пропорциональна развитости товарных связей, и при этом отказались от строгого деления тогдашнего социума на антагонистические группы. Так У. Я. Миллер доказывал, что режим власти хёвдингов, так или иначе владевших стадирами, гарантировал свою устойчивость за счет развитой практики обмена между этими магнатами и их клиентами из числа бондов [Miller 1990:302-307]. Йоун Видар Сигвюрдссон обратил отдельное внимание на ключевую роль "церковных имений" для политических элит "эпохи народовластия". Контроль над стадирами, поступающей с них десятиной, а также ведение торговли и сбор прочих пошлин, по мнению этого исследователя, позволили некоторым зависимым от хёвдингов годам, которые изначально просто разбирали местные тяжбы между бондами, возвыситься, что позднее закономерно привело к переделу земли и гражданской войне в "эпоху Стурлунгов" [Jón Viðar Sigurdsson 1999:104-112]. Тот же Йоун Видар Сигвюрдссон, исследовав совместно с Я. Брендальсму церковную организацию во всех средневековых скандинавских странах, пришел к выводу, что система "частной церкви" была развита в наибольшей степени именно в Исландии, а местные магнаты зависели от доходов с "церковных имений" сильнее, чем знать Норвегии, Дании и Швеции [Brendalsmo, Jón Viðar Sigurdsson 2019:263-264]. Признавая важное значение стадириков, оба исследователя не стали углубляться в объяснение этого явления и следовали достигнутому в ученом сообществе конвенциональному его определению: если епископская кафедра владела половиной участка, являвшегося объектом собственности, и более, тогда таковой следует считать стадириком, если меньшей долей, то это владение в терминах источников является "бондовской", то есть частной, церковью" [Brendalsmo, Jón Viðar Sigurdsson 2019:250].

Орри Вестейнссон в своей диссертации отчасти вернулся к проблемам, поднимавшимся в историографии ранее и, опираясь уже на весь доступный корпус источников, убедительно доказал, что хёвдинги нуждались в стадирах прежде всего потому, что только опекая эти имения и контролируя Церковь, а также поддерживая с ней сотрудничество, они могли гарантировать, что земли фактически останутся в руках их наследников [Orri Vésteisson 1996:169]. Вместе с этим суть стадира, понимание которой заключается в раскрытии того, как данная форма земельной собственности реализуется, этим ученым не затрагивается, и описывается исключи-

тельно в правовом ключе. В целом для ученых конца XX в. исследование "церковного имения" было необходимой частью объяснения причин подчинения Исландии Норвегией и заключения оформившего его "Старого договора" 1262 г. Само это понятие исследователи предпочитали не уточнять и как явление изучали мало.

Историография нового тысячелетия: "Революция" Магнуса Стефаунссона и ее последствия

Заметную роль для дальнейшего комплексного изучения стадира сыграл Магнус Стефаунссон, который впервые предпринял попытку критически оценить результаты исследований предшественников, показать, как термин "*staðir*" употребляется в различных средневековых текстах и на этой основе раскрыть собственное видение этого феномена [Magnus Stefánsson 2000:48-49]. Если первых двух целей данному исследователю удалось достигнуть, то изложенное им представление о стадирах оказалось традиционным и уже встречавшимся в литературе. Подобно предшественникам Магнус Стефаунссон делит все "церковные имения" на "бондовские церкви" и собственно "стадиры" в зависимости от того, какой его частью располагалось духовенство [Magnus Stefánsson 2000:35; 2002:140-141]. Гораздо важнее осмыслить выводы, к которым пришел этот ученый в результате применения им компаративного подхода. Так, Магнус Стефаунссон считает, что термин *staðir* фактически стал переносом в пространство исландского права такого понятия римского законодательства, как *locus sacer*, которое обозначало освященную землю, обладавшую особым юридическим статусом, когда сами угодья принадлежали Богу, а фактическому владельцу отводилась лишь роль зрителя за культовым сооружением, священниками, всеми вещами, которые им могут понадобиться, а также доходами [Magnus Stefánsson 2000:76]. Определяющей же чертой "стадира" норвежский медиевист провозглашает хозяйственную самостоятельность — независимо от того, владел ли окрестный храм половиной, двумя третями или всем хутором, "церковное имение" могло полностью себя обеспечить только с помощью принадлежащих непосредственно ему сельскохозяйственных угодий [Magnus Stefánsson 2000:35]. Таким образом, методологически Магнус Стефаунссон идет путем Свейнбьёрна Равнсона, который проводил параллели между *staðir* и *manors* и в итоге разделил формы землевладения, которые прежде назывались единым термином *staðir* на "церковные имения" и, собственно, стадиры.

Выводы Магнуса Стефаунссона позволили расширить проблематику, связанную со стадирами и включить в нее вопрос о том, как от обладания "церковным имением" зависел уровень могущества и богатства исландского нобилитета. Арни Даниэль Юлиуссон пишет, что передача собственного имения в дар Церкви, не несла аристократам материальной выгоды [Árni Daniél Júlíusson 2010:6-7,11]. Вместо этого ученый видит в качестве основного источника дохода магнатов их родовые владения, организованные вокруг главной усадьбы или, как их называет исследователь, манора (*manors*). Как и в Англии, исландский манор, на его взгляд, представлял собой несколько иерархически организованных хозяйств, где самое боль-

шое и богатое контролировало хозяйства победнее, причем не только находившиеся в аренде, но и в персональной собственности бондов [*Árni Daníel Júlíusson* 2010:3]. Если раннее считалось, что передача земли Церкви, то есть учреждение стадира, вело к материальному обогащению хёвдинга, Арни Даниэль Юлиуссон переворачивает эту логику, утверждая, что "церковными" становились уже богатые хутора с большим числом клиентов и арендаторов, которые сидели на формировавших такое имение угодьях. Как полагает историк, первые маноры появились на острове еще до принятия христианства, то есть складывание больших хозяйств в стране предшествовало учреждению стадиров [*Árni Daníel Júlíusson* 2010:8]. К подобным заключениям приходит и Т.Д. Картер, однако, в ее концепции место усадеб занимают "узлы" (hubs) — производственные ячейки с центром на "главном хуторе" (center farm), включающие в себя также зависимых арендаторов. Создание "хабов", по мнению исследовательницы, было обусловлено одновременным расцветом локальной торговли в границах острова и развитием связей исландцев с купцами из Норвегии. "Церковными", согласно этой концепции, часто становились уже богатые центры внутри "хабов", уплачивавшие самые большие налоги. Передача их Церкви могла способствовать ограничению насилия на их территории и привлечь туда продавцов и покупателей, что превращало "церковные имения" в идеальные места для рынков [*Carter* 2010:388–389].

В своих рассуждениях о специфике исландской колонизации к подобным выводам приходит уже упомянутый ранее Орри Вестейнссон. Он указывает, что остатки "длинных домов" периода заселения (874–930) свидетельствуют о существовании еще в эпоху генезиса "народовластия" больших хозяйств (household), где в одно и то же время работали члены нескольких семей, снабжавшие и поддерживавшие центральный хутор, владелец которого, таким образом, одновременно возглавлял ячейку не только производства, но и эксплуатации. Медиевист считает, что подобное "разделение труда" отражало тенденцию на разбиение первоначально единого хутора на небольшие части, зависимые от "центра", что впоследствии повлекло неравенство в доходах и социальном положении населения "центра" и периферии [*Orri Vésteisson* 1998:26–27]. Данный исследователь ставит под вопрос прежде заявленную прямую связь между созданием стадиров, что обеспечивало сохранение за их обладателями большей части церковной десятины, которая шла на поддержание выстроенной на таком хуторе церкви, содержание священника и клиенты, и становлением материальной базы хёвдингов "эпохи Стурлунгов", указывая, что значительное социальное расслоение было характерно для Исландии еще со времен колонизации [*Orri Vésteisson* 2007:137].

На наш взгляд, ключевой недостаток проанализированных выше работ — применяемый в них метод аналогий или введения искусственных терминов, слабо отражающих исландские реалии. Это не позволяет оценить специфику стадира как отдельного феномена, абсолютизируя лишь одну из характеристик связанных с ним отношений. Так, например, пытаюсь объяснить характер связи между наличием на хуторе церкви и ролью его владельца в политической жизни Исландии, Бенедикт Эйфоурссон

предлагает термин "церковный центр" (church center), выводя несколько критериев, которые позволяют признать таковым тот или иной хутор: большое число прихожан, определенное количество служащих в находящемся там храмах священников, наличие помимо главной церкви подчиненных ей храмов, баптистериев и часовен, а также расположение такого имения на основных торговых путях [Benedikt Eyþórsson 2005:108]. "Церковные центры" чаще всего более чем наполовину юридически принадлежали клиру, то есть были "стадирами", хотя существовали и "бондовские церкви", которые вполне соответствовали критериям, определяющим такой "центр" [Benedikt Eyþórsson 2005:116]. Видар Паульссон, Хельги Торлаукссон и Сверрир Якобссон для характеристики хуторов, игравших большую роль в политике и торговле, используют сходный термин — "центр власти" (center of power или *valdamíðstöð*), добавляя к характеристикам Бенедикта Эйфоурссона также культурное влияние "центра власти", распространявшееся на обширные регионы, которые могли охватывать целые четверти острова⁷ (именно на "центрах власти" находились скриптории для записи саг) [Viðar Pálsson 2018:103]. Признавая, что "церковное имение" приносило значительную материальную выгоду его распорядителю-мирянину и впоследствии могло превратиться в "центр власти", данные специалисты тут же отмечают, что среди "центров власти" встречались и "бондовские церкви". Кроме того, учреждение "стадира" влекло за собой значительные денежные расходы, и нередко магнаты за счет этого скорее теряли достаток, чем приобретали его. Отсюда следует вывод, что увеличение материального благополучия было хоть и важной, но не единственной причиной передачи хутора Церкви [Viðar Pálsson 2018:109]. С другой стороны, Э.Р. Сигурдсон, на основе земельных описей и актов исследовавшая положение исландской Церкви в XIV в., то есть уже после подчинения острова норвежскому королю, доказывает, что деятельность епископа Арни Торлакссона и юридическое закрепление "стадиров" за духовенством в результате договора на Мысе Энунда в 1297 г. привели к созданию особой социальной группы, куда входили лично преданные этому прелату священники. Они получали за свою верную службу бенефиции и составляли костяк формирующегося в Исландии чиновничества [Sigurdson 2016:180-181]. Подобное было бы невозможно без получения церковной элитой устойчивого источника доходов, который гарантировало распоряжение "церковными имениями", откуда поступала рента, а также десятина и прочие пошлыны [Sigurdson 2016:117]. О сохранившемся экономическом значении "бондовских церквей" для светских магнатов пишет и С. Бек, исследовавшая положение мирян после утраты ими контроля над богатейшими имениями страны [Beck 2011:244].

Итак, сущность "церковных имений" в структуре средневековой исландской экономики и землевладения — производственной ячейкой, ячейкой собственности, ячейкой эксплуатации — остается не раскрытой в современной медиевистике. Одни исследователи, главным образом,

⁷ Во второй половине X в. Исландия была разделена на Восточную, Южную, Северную и Западную Четверти (*fjórðungsdómar*). Каждая Четверть являлась отдельным судебным округом, поэтому как древние исландцы, так и современные историки делили и делят остров таким образом. См. [Байок 2012:273-276].

марксисты и их современные последователи (Бьёрн Торстейнссон, Йоун Видар Сигвюрдссон, Э. Р. Сигурдсон), видят в них главный механизм получения земельной ренты и установления на острове режима олигархической власти, а позднее и залог могущества местных епископов. Однако значительная часть современных западных ученых (Арни Даниэль Юлиуссон, Т. Картер, Хельги Торлаукссон и другие) склоняется к тому, что на момент прихода на остров христианства основные хозяйственные угодья в Исландии уже была разделены между местными вождями, а возникновение стадиров не несло хёвдингам материальной выгоды, то есть слабо повлияло на расстановку сил в стране.

Заключение

На наш взгляд, сущность "церковного имения" остается нераскрытой. Проникнуть в нее не позволяют ни аналогии с институтами римского права, которые допускает Магнус Стефаунссон, ни проведение параллелей с английским манором, что делает Свейнбьёрн Равнссон, ни введение новых понятий, за чем скрываются попытки объяснить средневековые явления за счет тех же аналогий, проводимых уже с экономическими процессами нашего времени. Очевидно, что стадир следует изучать и как хозяйственный комплекс, и как средоточие способов эксплуатации, которые применялись владельцами формировавших его земель, а значит, как совокупность экономических и межличностных связей, возникавших в процессе его непосредственного использования. Подобная постановка вопроса не только поможет определить мотивацию, стоявшую за передачей таких имений Церкви в эпоху "народовластия", но и позволит продемонстрировать взгляд самих средневековых исландцев на то, как у кого-либо в их обществе возникает, а также сохраняется собственность, порой даже если происходит ее отчуждение, в чем и как себя проявляют посессорные отношения. Дело в том, что восприятие исландцами земли и недвижимости, а также институтов владения и распоряжения имуществом совершенно не изучены с точки зрения ментальности. Еще А. Я. Гуревич писал об особом характере взаимоотношений с землей в германских племенах, что выразилось, прежде всего, в закреплении права одаля [см. Гуревич 1972:42]. Появляющиеся в последнее время исследования ментальности исландских элит переходного периода от "народовластия" к "норвежскому веку" (1262/64-1415) посессорных проблем не касаются, предпочитая фокусироваться на отношениях исландцев с норвежским королем и его двором [см. *Sverrir Jakobsson* 2017].

Благодарности: к.и.н. Агишеву Сергею Юрьевичу.

Литература/References

1. Байок (2012) — Байок, Дж. (2012). *Исландия эпохи викингов*, пер. И. Свердлова, Астрель, М., 912 с. Byock (2012) — Byock, J. (2012). *Viking Age Iceland*, trans. Sverdlöv I., Astrel', M., p. 912. (In Russ.)
2. Гуревич 1972 — Гуревич, А. (1972). *Категории средневековой культуры*, Искусство, М., 318 с. Gurevich (1972) — Gurevich, A. (1972). *Categories of medieval culture*, Iskusstvo, M., p. 318. (In Russ.)
3. Эйнар Ольгейрссон 1957 — Эйнар Ольгейрссон (1957). *Из прошлого исландского народа*, пер. В.П. Беркова, ред. М.И. Стеблин-Каменского, Издательство иностранной литературы, М., 331 с. Einar Olgeirsson (1957) — Einar Olgeirsson (1957). *From the past of the Icelandic people*, trans. Berkov, V. P., ed. Steblin-Kamensky, M. I., Izdatel'stvo inostrannoj literatury, M., p. 331. (In Russ.)
4. Amira (1895) — Amira, K. (1895) *Nordgermanisches Obligationenrecht*, Bd. 2: Westnordisches Obligationenrecht, Verlag von Veit & Comp, Leipzig, Germany, p. 964. (In German)
5. Árni Daniel Júlíusson (2010) — Árni Daniel Júlíusson (2010). Signs of Power: Manorial Demesnes in Medieval Iceland. *Viking and Medieval Scandinavia*, 6, 1-29. doi: 10.1484/J.VMS.1.102135.
6. Baetke (2006) — Baetke, W. (2006). *Wörterbuch zur altnordischen Prosaliteratur (digital)*, Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Greifswald, Germany, p. 673. (In German) ISBN: 978-3-86006-277-8.
7. Beck (2011) — Beck, S. (2011). *I kungens frånvaro. Formeringen av en isländsk aristokrati 1271–1387*: Dissertation, Göteborg, Sweden, p. 272. (In Swedish) ISBN: 978-91-88614-74-2.
8. Benedikt Eyþórsson (2005) — Benedikt Eyþórsson (2005). *Reykholt and Church Centres*, Church Centres: Church Centres in Iceland from the 11th to the 13th Century and their Parallels in other Countries, ed. Helgi Þorláksson, Snorrastofa, Reykholt, pp. 105-116. ISBN: 2387-6700.
9. Bjarni F. Einarsson (1995) — Bjarni F. Einarsson (1995). *The Settlement of Iceland. A Critical Approach. Granastaðir and the Ecological Heritage*, Hið Íslenska bókmenntafélag, Reykjavík, Iceland, p. 206. ISBN: 91-85952-36-2.
10. Björn Sigfússon (1960) — Björn Sigfússon (1960). Full goðorð og forn og heimildir frá 12 gld. *Saga*, 3, 48-75. (In Icelandic) ISSN: 0256-8411.
11. Björn Þorsteinsson, Bergsteinn Jónsson (1991) — Björn Þorsteinsson and Bergsteinn Jónsson (1991). *Íslands saga til okkar daga*, Sögufélag, Reykjavík, Iceland, bls. 572. (In Icelandic) ISBN: 9979-9064-4-8.
12. Björn Þorsteinsson (1953) — Björn Þorsteinsson (1953). *Íslenska Þjóðveldið*, Heimskringla, Reykjavík, Iceland, bls. 330. (In Icelandic)
13. Brendalsmo, Jón Viðar Sigurdsson (2019) — Brendalsmo, J. and Jón Viðar Sigurdsson (2019). *The Social Elites and Incomes from Churches c. 1050-1250*, Nordic elites in transformation, Vol. 1: Material Resources, ed. Bjørn Poulsen et al., Taylor & Francis, N.-Y.-L., pp. 248-274. ISBN: 978-0-429-26221-0.
14. Carter (2010) — Carter, T. D. (2010). *Rethinking Secondary State Formation in Medieval Iceland: Trade and Social Connectivity in the Norse Economic Territory*: PhD thesis, San Diego, USA, p. 513. ISBN: 1124382569.
15. Cleasby, Guðbrandur Vigfússon (1874) — Cleasby, R. and Guðbrandur Vigfússon (1874). *An Icelandic-English Dictionary*, Clarendon Press, Oxford, UK, p. 780.
16. DI I (1857-76) — *Diplomatarium Islandicum. Íslenzkt fornbréfasafn, sem hefir inni að halda bréf og gjörninga, dóma og máldaga, og aðrar skrár, er snerta Ísland eða Íslenzka men*, B. 1: 834-1264, S. L. Möllers, Kaupmannahöfn, Denmark, bls. 857. (In Icelandic)
17. DI II (1893) — *Diplomatarium Islandicum. Íslenzkt fornbréfasafn, sem hefir inni að halda bréf og gjörninga, dóma og máldaga, og aðrar skrár, er snerta Ísland eða Íslenzka men*, B. 2: 1253-1350, S. L. Möllers, Kaupmannahöfn, Denmark, bls. 1099. (In Icelandic)
18. Einar Ólafur Sveinsson (1953) — Einar Ólafur Sveinsson (1953). *The Age of the Sturlungs: Icelandic civilization in the thirteenth century*, trans. Jóhann S. Hannesson, Cornell University Press, Ithaca — N.-Y., USA, p. 183.
19. Finni Johannaei, episcopi (1772) — Finni Johannaei, episcopi (1772). *Historia ecclesiastica Islandiae*, T. I, Typis, Hauniae, Denmark-Norway, p. 598. (In Lat.)
20. Finni Johannaei, episcopi (1774) — Finni Johannaei, episcopi (1774). *Historia ecclesiastica Islandiae*, T. II, Typis, Hauniae, Denmark-Norway, p. 754. (In Lat.)
21. Fritzner (1867) — Fritzner, J. (1867). *Ordbog over det gamle norske Sprog*, Feilberg & Landmark, Kristiania, Norway, p. 874. (In Danish)
22. Gunnar Karlsson (1972) — Gunnar Karlsson (1972). Goðar og bændur, *Saga*, 10, 5-57. (In Icelandic) ISSN: 0256-8411.
23. Gunnar Karlsson (1977) — Gunnar Karlsson (1977). Goðar og Höfðingjar in Medieval Iceland, *Saga Book of the Viking Society for Northern Research*, XIX, 358-370. (In Icelandic) ISSN: 2515-3501.
24. Helgi Þorláksson (1989) — Helgi Þorláksson (1989). *Gamlar götur og goðavald. Um fornar leiðir og völd Oddaverja í Rangárþingi*, Sagnfræðistofnun Háskóla Íslands, Reykjavík, Iceland, bls. 180. ISBN: 1-00028-580-0.
25. Hood (1946) — Hood, J. C. F. (1946). *Icelandic Church Saga*, Society for Promoting Christian Knowledge, L., UK, 1946, p. 244.
26. Hægstad, Torp (1909) — Hægstad, M., Torp, A. (1909). *Gamalnorsk ordbok med Nynorsk tyding*, Det Norske Samlaget, Kristiania, Norway, p. 564. (In Norwegian (nynorsk))
27. Jón Helgason (1925) — Jón Helgason (1925). *Íslands Kirke. Bd. 2.* (1925), G.E.C. Gads Forlag, København, Denmark, p. 252. (In Danish)
28. Jón Jóhannesson (2006) — Jón Jóhannesson (2006). *A history of the old Icelandic Commonwealth*, transl. Haraldur Bessason, University of Manitoba Press, Winnipeg, Canada, p. 407. ISBN: 0-88755-695-5.
29. Jón Viðar Sigurðsson (1999) — Jón Viðar Sigurðsson (1999). *Chieftains and Power in the Icelandic Commonwealth*, University Press of Southern Denmark, Odense, Denmark, p. 255. ISBN: 87-7838-056-1.

30. Kejser (1858) — Kejser, R. (1858). *Den norske Kirkes Historie under Katholicismen*. Bd. 2, Chr. Tønsbergs forlag, Christiania, Norway, p. 910. (In Danish)
31. Maurer (1874) — Maurer, K. (1874). *Inland von seiner ersten Entdeckung bis zum Untergange des Freistaats*, Christian Kaiser, München, Germany, p. 480. (In German)
32. Maurer (1907) — Maurer, K. (1907). *Vorlesungen über Altnordische Rechtsgeschichte. Bd. 1: Altnorwegisches Staatsrecht*. A. Deichert, Leipzig, Germany, p. 260. (In German)
33. Magnús Már Lárusson (1967) — Magnús Már Lárusson (1967). *Odelsrett. Island*, KLNMB, XII, Rosenkilde og Bagger, København, ss. 499-502. (In Danish)
34. Magnús Stefánsson (2000) — Magnús Stefánsson (2000). *Staðir og staðamál*, Historisk Institutt Universitetet i Bergen, Bergen, Norway, p. 338. (In Norwegian) ISBN: 82-90992-09-2.
35. Magnús Stefánsson (2002) — Magnús Stefánsson (2002). *Um staði og staðamál*, *Saga*, 40, 139-166. (In Icelandic) ISSN: 0256-8411.
36. McGovern et al. (1988) — McGovern, T. H., Bigelow, G. F., Amorosi, T., and Russell, D. (1988). Northern Islands, Human Error; and Environmental Degradation: A View of Social and Ecological Change in the Medieval North Atlantic, *Human Ecology*, 16, 225-270. ISSN: 1572-9915.
37. McGovern (1990) — McGovern, T. H. (1990). The Archaeology of the Norse North Atlantic, *Annual Review of Anthropology*, 19, 331-351. ISSN: 1545-1290.
38. Miller (1990) — Miller, W. I. (1990). *Bloodtaking and Peacemaking. Feud, Law, and Society in Saga Iceland*, University of Chicago Press, Chicago — L., USA-UK, p. 407. ISBN: 0-226-52680-1.
39. Munch (1862) — Munch, P. A. (1862). *Det Norge Folks Historie, Første Deel*, Chr. Tønsbergs forlag, Christiania, Norway, p. 958. (In Danish)
40. Safn til sögu Íslands (1907-1915) — *Safn til sögu Íslands og íslenskra bókmenta að fornu og nýju gefið út af Hinu Íslenska Bókmentafélagi*, B. 4, S.L. Möllers, Kaupmannahöfn og Reykjavík, Denmark & Iceland, bls. 1025. (In Icelandic)
41. Solvason (1993) — Solvason, B. T. R. (1993). Institutional Evolution in the Icelandic Commonwealth, *Constitutional Political Economy*, 4 (1), 97-125. ISSN: 1572-9966.
42. Sveinbjörn Rafnsson (1974) — Sveinbjörn Rafnsson (1974). *Studier i landnámbók: kritiska bidrag til den isländska fristadens historia, Akademisk avhandling*, Gleerup, Lund, Sweden, p. 256. (In Swedish) ISBN: 91-40032-77-9.
43. Sverrir Jakobsson (2009) — Sverrir Jakobsson (2009). The process of state-formation in medieval Iceland, *Viator*, 40, 151-170. doi:10.1484/J.VIATOR.1.100426.
44. Sverrir Jakobsson (2017) — Sverrir Jakobsson (2017). *Space*, ed. Ármann Jakobsson and Sverrir Jakobsson, Routledge, Milton Park-New-York, UK-USA, p. 208-220. ISSN: 978-1-315-61362-8.
45. Olsen (1966) — Olsen, O. (1966). *Hørg, hov og kirke: Historiske og arkæologiske vikingetidsstudier*, Bianco Lunos Bogtrykkeri A/S, København, Denmark, p. 307. (In Danish)
46. Orri Vésteinsson (2007) — Orri Vésteinsson (2007). A divided society: Peasants and the aristocracy in Medieval Iceland, *Viking and Medieval Scandinavia*, 3, 117-139. doi:10.1484/J.VMS.2.302721.
47. Orri Vésteinsson (1996) — Orri Vésteinsson (1996). *Christianisation of Iceland: Priests, Power and Social Change 1000 – 1300*: PhD thesis, L., UK, p. 370. ISBN: 978-01-98-20799-3.
48. Sigurdson (2016) — Sigurdson, E. (2016). *The Church in Fourteenth-Century Iceland: The Formation of an Elite Clerical Identity*, Brill, Leiden-Boston, Netherlands-USA, p. 207. ISBN: 978-90-04-30156-6.
49. Viðar Pálsson et al. (2018) — Viðar Pálsson, Helgi Þorláksson and Sverrir Jakobsson (2018). Reykholt as a Centre of Power, *Snorri Sturluson and Reykholt: The Narrator, His Life, Works and Environment at Reykholt in Borgarfjörður, Western Iceland*, ed. Guðrún Sveinbjarnardóttir and Helgi Þorláksson, Museum Tusculanum Press, Copenhagen, pp. 103-154. ISBN: 978-87-63-54612-6.
50. Zoëga (1910) — Zoëga, G. (1910). *A Concise Dictionary of Old Icelandic*, Clarendon Press, Oxford, UK, p. 551.